

Rec. ad op.: A.P. Sinelobov. Personalniy sostav gorodovykh prikazchikov i gubnykh starost Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. Moscow, 2018.

V. Glaziev

*Voronezh State University
Russian Federation, Voronezh*

Abstract

Keywords list (en):

Date of publication: 07.09.2020

Citation link:

Glaziev V. Rec. ad op.: A.P. Sinelobov. Personalniy sostav gorodovykh prikazchikov i gubnykh starost Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. Moscow, 2018. // Rossiiskaia istoriia. – 2020. – Issue 4 С. 218-222 [Electronic resource]. URL: <https://russian-history.ru/s086956870010790-0-1/> (circulation date: 19.01.2021). DOI: 10.31857/S086956870010790-0

¹ С 1990-х гг. в российской исторической науке усилился интерес исследователей к истории провинциальных дворян и детей боярских XVI–XVII вв., объединённых в «служилые города». История «служилого города» продолжает изучаться с учётом региональных особенностей. В этом контексте вполне ожидаемо появление трудов об участии городских дворян и детей боярских в местном управлении. В монографии А.П. Синелобова исследуется персональный состав городских приказчиков и губных старост XVI–XVII вв. Автор обоснованно относит их к элементам сословного представительства и управления выборных институтов на местах (с. 3). Представляется оправданным учёт региональных особенностей

состава городских приказчиков и губных старост, их личностных характеристик, судеб, родственных связей, имущественного положения. Исследование дополнено списком губных старост и городских приказчиков примерно 80 уездов.

2 Исторические источники для написания работы автор условно разделил на две группы. К первой группе он отнёс перечни лиц, служивших городскими приказчиками и губными старостами, в том числе созданный на основе этих перечней «Местнический справочник». Сведения о городских приказчиках и губных старостах содержатся в Тысячной книге 1550-х гг., «верстальной десятне новиков» 1596 г., росписи русского войска 1604 г., «Росписи воеводам в тех городах, где прежде были судьи и губные старосты» 1627–1628 гг., «Делах об определении губных старост и воевод по городам». Целесообразным представляется использование автором десятен, содержащих сведения о городских приказчиках и губных старостах. В боярских книгах и списках известий о самих городских приказчиках и губных старостах нет, но эта разновидность документов позволяет проследить судьбы их сыновей и внуков. Ко второй группе источников Синелобов относит материалы, связанные с управленческой деятельностью городских приказчиков и губных старост. Документация этих должностных лиц отложилась в фондах разных приказов, в первую очередь Разрядного и Поместного. Автор отмечает составление городскими приказчиками и губными старостами различных книг – кабальных, полоняничных, ввозных поместных и вотчинных, разъезжих, писцовых, переписных и дозорных.

3 Следует заметить, что исследователи и ранее обращались к приказной документации для составления списков губных старост. В частности, В.Н. Козляков при перечислении ярославских губных старост конца XVI – первой половины XVII в. опирался на акты, отказные, писцовые и переписные книги. Как отмечал исследователь, «особенно подробный материал дают отказные книги, в которых записаны имена проводивших “отказ” губных старост и городских приказчиков»¹. Полагаю, что к числу источников для перечней губных старост следует причислить материалы делопроизводства не только столичных приказов, но и местных учреждений, в частности губных изб, отложившиеся в фондах центральных и местных архивов, таких как Белозерская и Воронежская губные избы. При составлении перечня городских приказчиков и губных старост автор в некоторых случаях обращался к архивным описям, но следует отметить и необходимость обращения к документам, где можно почерпнуть данные о местных управлениях, отсутствующие в описях.

4 Синелобов аргументировано обосновывает совместное рассмотрение в одной работе персонального состава городских приказчиков и губных старост. Круг потенциальных кадров этих служб был однотипен и чаще всего представлен городскими детьми боярскими, принцип их комплектования заключался в сочетании выборов и назначений, существовали общие критерии для выполнения этих служб и общие принципы содержания институтов. Следует согласиться с Синелобовым в определении различий функций городских приказчиков и губных старост. У городских приказчиков, как отметил автор, более выражены военные, административно-финансовые и хозяйственные функции. У губных старост главной специализацией являлось расследование и пресечение случаев татбы, разбоя и убийств. В то же время функции городских приказчиков и губных старост частично пересекались, например, в сфере решения земельных вопросов (с. 9).

5 Автор рассматривает появление институтов местного управления не как некую альтернативу власти наместников и кормленщиков, а как видоизменение и дополнение существующих структур, как сосуществование и наращивание дополнительных служб. По мнению автора, новые институты возникали на иной социальной базе и по иным принципам. К делам управления «служилым городом» были допущены его представители. Исследователь резонно заметил, что только местные дети боярские, «находившиеся в гуще событий и знавшие

местную специфику, могли наиболее оперативно выполнять поручения центральной власти» (с. 11).

6 Синелобов прослеживает преемственность новых институтов и выполнение земских служб в более раннее время. Одна из них – присутствие «добрых мужей» на земельных разъездах и межевании. Используя данные генеалогии, автор приводит конкретные примеры связи ранних поколений фамилий «добрых людей» и их потомков, служивших городскими приказчиками и губными старостами. Исследователь считает, что к 1510–1530-м гг. на уровне уезда сложился круг фамилий, специализирующихся на управленческих службах: «Во второй половине XVI–XVII вв., несмотря на все перипетии и изменения в составе уездных дворянских корпораций, сложившаяся традиция преемственности сохранялась» (с. 14). Автор показал, что в уездах, где отсутствовало дворянское поместное землевладение, к местному управлению привлекались люди из богатых и влиятельных, но неслужилых родов (например, солепромышленники Мичурины в Соли Галицкой). Автор указывает и на случаи участия в местном управлении представителей семей, недавно переместившихся в данный уезд, лиц сравнительно молодого возраста, увечных, неграмотных. Подобное хотя и редко, но случалось, и это расширяет традиционные представления о составе городских приказчиков и губных старост.

7 Синелобов отметил появление в пригородах во второй половине XVI в. собственных органов местного управления, отвечавшее интересам дворян и детей боярских, испомещённых в пригородах. Обратный процесс концентрации в уездном городе властных функций автор отнёс к последней четверти XVII в. (с. 19). Думается, подобная тенденция обозначилась значительно раньше. Объединение нескольких городов и уездов в разряды – крупные военно-административные округа – прослеживается в Сибири уже в конце XVI в., а в европейской части России в середине столетия. С другой стороны, Разбойный приказ стремился соединить несколько уездов в одну губу, поскольку для разбойников границы уездов не существовали.

8 Синелобов подтвердил высказанное другими исследователями мнение о том, что служба в губных старостах привлекала дворян возможностью избежать дальней и опасной службы в полках; привёл колоритные примеры кормления городских приказчиков и губных старост. О фактах злоупотреблений должностных лиц становилось известно из коллективных челобитных. По мнению автора, «цель челобитчиков – сообщить центральным властям о превышении квоты злоупотреблений, когда аппетиты превосходили установившиеся традицией размеры кормов и подношений» (с. 29). Исследователь обратил внимание на конкуренцию за получение служб в органах местного управления. Это явление, несомненно, имело место, однако относить обострение соперничества к середине 1650-х гг. (с. 31) вряд ли обосновано: конкуренция дворян в этой сфере прослеживается и в более ранний период.

9 Автор аргументировано отметил, что служба дворян местными управленцами не мешала карьерному продвижению их сыновей и внуков. Более того, выполнение управленческих служб на местах часто становилось трамплином для получения разнообразных должностей на столичном уровне. Используя данные генеалогии городского дворянства, Синелобов показал, что во многих дворянских родах сформировалась склонность к несению управленческих и дьячих служб. Анализ персонального состава губных старост показывает и обратный процесс, когда приказные дьяки и подьячие отправлялись губными старостами в уезды (с. 33–36).

10 Автор пришёл к выводу о том, что городские приказчики и губные старосты во взаимодействии с воеводской и земской властями поддерживали политико-территориальное единство страны и способствовали консолидации разных социальных слоёв общества для решения общегосударственных задач. По его мнению, городские приказчики и губные старосты стояли на страже местных традиций, создавая серьёзную помеху на пути

бюрократизации местного управления. Ослабление дворянских уездных учреждений он связывает с начавшимся в 1650–1660-х гг. общегосударственными процессами абсолютизации царской власти, расширения приказного делопроизводства, укрепления власти воевод, разрушения системы «служилого города» (с. 38). В новых реалиях, по его мнению, городские приказчики и особенно губные старосты должны были уступить место воеводской власти.

11 Важная часть книги – список городских приказчиков и губных старост. Списки губных старост по отдельным городам и регионам составлялись и ранее. Однако в представленной автором форме, объединяющей городских приказчиков и губных старост по многочисленным уездам, список не имеет аналога в исторической науке. По данным Синелобова, городские приказчики в некоторых уездах ещё действовали в 1670–1680-х гг. Обращает на себя внимание, что в большинстве городов городские приказчики служили только в XVI – первой половине XVII в. (Алатырь, Алексин, Арзамас, Балахна, Бежецкий верх, Белая, Белёв, Белоозеро и др.). Между тем губные старосты численно преобладали и находились на своих постах во второй половине XVI в. и на протяжении всего XVII в. Материалы по южным русским городам конца XVI – XVII в. – Курску, Ельцу, Воронежу – показывают, что схожие с городскими приказчиками функции имели осадные головы. В круг их служебных обязанностей входила подготовка города-крепости к возможному нападению неприятеля. Городской приказчик и осадный голова следили за артиллерией и боеприпасами. В их непосредственном подчинении находились пушкарки, затынщики, воротники, казённые кузнецы и плотники.

12 Дублирование функций осадных голов и городских приказчиков привело к постепенной ликвидации последних в южных городах. Исключение составлял Белгород, где во второй половине XVII в. действовали не встречающиеся в иных местах городничие. Должность осадного головы по рангу была выше поста городского приказчика. Осадный голова в южные города, за редкими исключениями, назначался из Москвы, и постепенная замена выборных городских приказчиков осадными головами означала усиление контроля центра за жизнью окраинного города-крепости. Объём обязанностей осадного головы зависел от местных условий и традиций, а также от полномочий, определённых наказами и грамотами. Иногда осадные головы решали вопросы, не связанные непосредственно с обороной крепости. Они осуществляли размежевание земельных владений, производили суд, взыскивали платежи в пользу потерпевших. Осадные головы назначались в южные города в течение XVII в., и назначение на должность осадного головы рассматривалось царской властью как пожалование служилого человека. С этой точки зрения правительственный подход к осадным головам, воеводам, стрелецким или казачьим головам, приказным людям в небольших городках одинаков. При назначении осадным головой учитывалось мнение местных сословных групп. Жители Курска и Курского уезда, например, настойчиво добивались назначения на этот пост именно местных дворян и детей боярских, характеризуя в коллективных челобитных достоинства претендентов на должность².

13 Подводя итог, отмечу, что монография А.П. Синелобова является новым этапом изучения роли «служилого города» в местном управлении Российского государства, а перечень городских приказчиков и губных старост дополняет круг справочных материалов по составу органов государственного управления XVI–XVII вв.

Remarks:

1. *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 139, 199.

2. *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 58–59.

References:

1. Kozlyakov V.N. Sluzhilyj «gorod» Moskovskogo gosudarstva XVII veka (Ot Smuty do Sobornogo ulozheniya). Yaroslavl', 2000. S. 139, 199.
2. Glaz'ev V.N. Vlast' i obschestvo na yuge Rossii v XVII v.: protivodejstvie ugovnoj prestupnosti. Voronezh, 2001. S. 58–59.

**Рец. на: А.П. Синелобов. Персональный состав
городовых приказчиков и губных старост
Московского государства XVI–XVII вв. М.:
ИНФРА-М, 2018. 174 с.**

Глазьев В. Н.

*Воронежский государственный университет
Российская Федерация, Воронеж*

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 07.09.2020

Ссылка для цитирования:

Глазьев В. Н. Рец. на: А.П. Синелобов. Персональный состав городовых приказчиков и губных старост Московского государства XVI–XVII вв. М.: ИНФРА-М, 2018. 174 с. // Российская история. – 2020. – Выпуск 4 С. 218-222 [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-history.ru/s086956870010790-0-1/> (дата обращения: 19.01.2021). DOI: 10.31857/S086956870010790-0